

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-225-234>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рye)53

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. О. А. Симонова

г. Москва, Россия

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ОБЫВАТЕЛЬНИЦЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ О МАХНОВЩИНЕ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН

Аннотация: В статье на основе мемуаров Натальи Сухогорской «Воспоминание о махновщине» (1927) восстанавливается жизнь обычной женщины под властью Революционной Повстанческой армии Украины. В Гуляйполе автобиографическая героиня погружается в атмосферу, наполненную легендами о Махно. Так автор создает две линии нарратива: автобиографическую и фольклорную. Слухи создают страхи автобиографической героини. В этом фокусе автор показывает идентичности героини. Первая из них — материнская — неопасна при Махно, доброжелательна к детям. Вторая — беженка. Принадлежность к женскому полу также оберегает Сухогорскую при повстанцах. Школа как место службы дает ей неприкосновенный статус. В более опасной позиции она оказывается как представительница интеллигенции, так как повстанцы не любили этот социальный класс. Точки зрения автора и автобиографической героини часто взаимопересекаются, но возможно выявить функции автора, который предстает писателем, дающим характеристики внутренних движений своих персонажей; историком, ретроспективно обобщающим события; и фольклористом, записывающим и воспроизводящим устные истории, легенды и слухи времен Гражданской войны. Страх за свою жизнь и стремление выжить становятся главными мотиваторами для обывателей во время войны, поэтому политические взгляды автора остаются невыясненными.

Ключевые слова: Гражданская война, положение женщин, махновское движение, воспоминания, автор, автобиографическая героиня.

Информация об авторе: Ольга Алексеевна Симонова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4802-7750>. E-mail: osimonova@yandex.ru

Дата поступления статьи: 15.01.2020

Дата публикации: 28.12.2020

Для цитирования: Симонова О. А. Конструирование образа обывательницы в воспоминаниях о махновщине // Вестник славянских культур. 2020. Т. 58. С. 225–234. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-225-234>

Роль женщин в Гражданской войне в последнее время все чаще становится объектом интереса историков [3; 9; 10; и др.]. Но при изучении махновского движения внимание уделяется только его участницам [4; 6; 8; 16], положение обывательниц при махновщине отдельно не рассматривается. Исследования женских эго-документов помогут восполнить этот пробел. Мемуары обычно используются историками как исторический источник. В данной статье мы попытаемся показать жизнь обывательницы при махновщине сквозь литературоведческую призму. С помощью филологического анализа текста попробуем выявить функции автора, разграничить автора и автобиографическую героиню, показать ее идентичности и тем самым обнаружить конструирование образа героини в заданной автором проекции. При этом будет использоваться понятие «идентичность» как термин социальных наук, связанный с принадлежностью индивида к социальной группе: «В этом смысле социальная идентичность коррелирует с объективно существующими социальными позициями индивида» [12, с. 16]. Будет показано, как из всех возможных идентичностей героини актуализируется та или иная, согласно авторскому замыслу в описании конкретного момента. Следовательно, достоверность описываемых событий и их историческая реальность предстанет в ракурсе художественного описания.

Необходимо отметить маргинальность женского голоса в описании махновского движения: сохранилось крайне мало мемуаров обывательниц. Частично исследовались лишь воспоминания писательницы А. А. Саксаганской [11; 13; 14]. В 1927 г. было опубликовано «Воспоминание о махновщине» Натальи Сухогорской [15], до сих пор не привлекавшее пристального внимания исследователей. Между тем в историографии махновского движения конец 1920-х гг., когда вышли интересующие нас мемуары, знаменателен тем, что, с одной стороны, о многом еще можно было писать: изучение Гражданской войны не было полностью идеологизировано, как станет в 1930-е гг. с появлением горьковской серии «История гражданской войны» [1, с. 18]. С другой стороны, публикации данного периода отличаются резкой критикой в отношении махновщины и анархизма, о махновском движении можно было упоминать только как о бандитском [5, с. 260]. Таким образом, внутренняя цензура автора была ориентирована на показ махновского движения в негативном свете, что давало возможность обнаружить текст.

Необходимо отметить, что об авторе воспоминаний мы практически ничего не знаем. Все биографические сведения получены из этого текста. Итак, Наталия Сухогорская, служащая (возможно, учительница), в июне 1918 г. приехала в махновскую столицу Гуляйполе «поправиться и отдохнуть» с маленьким сыном. Осенью она уезжает в Бердянск, занятый белыми. Но уже через год ей предлагают службу в Гуляйполе, и в сентябре 1919 г. она вынуждена возвратиться и поселиться в своей прежней комнате в центре села. Район оказывается беспокойным, она меняет жилье и оказывается по соседству с домом, где живут две вдовы сподвижников Нестора Махно и где батька с товарищами весело проводят время. Большую часть 1920 г., по крайней мере до августа, она живет в Гуляйполе, но сбегает оттуда, «как только стало возможно, не выдержав вечной стрельбы и обилия приключений» [15, с. 63].

Мемуары ориентированы на публичность, поэтому образ автобиографической героини не равен реальной мемуаристке в описываемое время, это тот образ, который она конструирует для читателя. Как отмечает Л. Гинзбург, «особое качество документальной литературы — в той *установке на подлинность* (Курсив Гинзбург. — О. С.), ощущение которой не покидает читателя, но которая далеко не всегда равна фактической точности» [2, с. 9]. Мемуары находятся на стыке документального и художествен-

ного описания, но преобладает художественное, поэтому образ героини — в большей степени вымышленный.

Жанрообразующим признаком автобиографических текстов французский исследователь Филипп Лежен называет то, что в них нарратор и протагонист идентичны [18, с. 14]. Но это только совпадение физического и биографического субъекта, с точки зрения нарратологии вполне возможно их разграничить. Вольф Шмид предлагает «рассматривать повествующее и повествуемое «я» как две функционально различаемые инстанции, как нарратора и персонажа или, вернее, актора, т. е. носителя действия, которые связаны физическим и психологическим единством» [17, с. 95]. Посмотрим, как конструируется повествовательное «я» в воспоминаниях Сухогорской, как в каждом конкретном случае создается образ автогероини, как внешняя обстановка определяет саморепрезентацию автора. В автобиографических произведениях нарратор обычно тождествен автору, поэтому будем употреблять эти понятия синонимично, имея в виду носителя авторской речи в мемуарном тексте.

Примем как суппозицию, что автор — это умудренный опытом и всезнающий субъект повествования, в то время как автобиографическая героиня — персонаж, действующий в заведомо заданных ограничениях. Уже сразу же на уровне композиции эта оппозиция нарушается и происходит смешение речей автора и автогероини. «Воспоминание о махновщине» начинается с описания Гуляйполя, любимого местопребывания Махно. Это введение выглядит как речь вспоминающего нарратора (маркер — «при мне там было три гимназии» [15, с. 37]). Но уже в следующей части авторское повествование насыщается действием автогероини: «Таким я увидела Гуляй-Поле весной 1918 г., когда в июне приехала в село» [15, с. 37]. Сухогорская приезжает в столицу махновского движения и сразу погружается в атмосферу, наполненную легендами о Махно, которыми с ней делятся старики-гуляйпольцы. Легенды, рассказываемые героине, воспроизводит автор, который не просто пересказывает событийную канву, но и, в свою очередь, выступает писателем. Сухогорская превращает Махно в своего персонажа, давая характеристики внутренних движений его души («При австрийцах Махно сначала пришлось стусеваться. От этого он почувствовал великую обиду» [15, с. 38]) и даже стилистически подражая стилю сказки («То убьет Махно, бывало, австрийца, то ограбит» [15, с. 38]). Таким образом, факты получают психологическую углубленность и художественное оформление. Сухогорская не сухо излагает информацию, а беллетризирует свое повествование.

Следующей функцией автора можно считать функцию собирателя современного ему фольклора. Сухогорская неосознанно выступает как фольклорист, фиксируя и воспроизводя устные истории времен Гражданской войны. Большинство легенд и слухов приводятся в авторском повествовании, так как они возникают в тексте согласно внутренней логике его развития (вне зависимости от того, когда ту или иную историю узнала героиня и было ли это во временном промежутке, который описывают данные мемуары). Так, Сухогорская сама не видела знаменитую атаманшу Марусю Никифорову, но один абзац посвящает ее портрету. Маркерами слухов здесь становятся фразы «говорят», «очевидцы рассказывали», которые вводят в повествование легенды и слухи.

Пересказ легенд о Махно предваряет собственно воспоминания. Сухогорская описывает, как увидела батьку. Сам он не произвел на нее впечатления, но его взгляд пугал ее, в то же время Махно благосклонно отнесся к ее ребенку. Таким образом, здесь четко вычленяется автогероиня (и весь пласт действия связан уже непосредственно с этой ипостасью). Первая идентичность, которую она актуализирует, — материн-

ство — оказывается при повстанцах неопасной: Махно радушно воспринимает детей. В сентябре 1918 г., когда Сухогорская уезжает по делам в другой город, оставив своего ребенка в стане повстанцев, она вынуждена вернуться, поддавшись не имманентному страху, а так как «газеты кричали, что Махно перебил всех в Гуляй-Поле» [15, с. 40]. И хотя сам Махно не был ей в то время страшен, молва оказывала влияние на автогероиню.

Слухи формируют страхи Сухогорской, не следующие из ее непосредственного житейского опыта: «Поддавшись общей панике, я тоже решила снова уехать из Гуляй-Поля в Бердянск» [15, с. 41]. Таким образом, она примеряет на себя следующую идентичность — беженки, окруженной такими же заложниками ситуации на одной из узловых железнодорожных станций. Эта идентичность оказывается коллективной. В переживании сильной эмоции «я» героини сливается с коллективным «мы»: «В сердце каждого заползал медленно, но верно страх» [15, с. 42]. Она вновь погружается в атмосферу слухов, оценивая особенность их распространения («не переставали передаваться, как по радио» [15, с. 41]). Автор вводит позднейшее сравнение (радиовещание начало широко распространяться позднее — в 1920-е г.) и оценивает их правдивость: «К сожалению, слухи были верны и не расходились с действительностью» [15, с. 41–42]. Правда, в том же пассаже голос героини отвергает мнение автора: «К общему удивлению и радости, мы доехали до Бердянска благополучно» [15, с. 42].

Таким образом, идентичность Сухогорской и как беженки оказывается вполне реализованной. Но очевидна зависимость возникновения этой социальной роли автогероини от общей атмосферы, царившей во время Гражданской войны, — не было регулярных, внушающих доверие периодических изданий, поэтому информационное поле было наполнено слухами и домыслами. В связи с этим обывательница вынуждена была совершать нехарактерные для нее поступки, бросая дом и вливаясь в общий людской поток, а осмысляющий произошедшее автор пытается оценить мотивированность этих поступков.

В следующем пассаже ключевой для Сухогорской становится женская идентичность. Среди беженок много женщин: «Женщин тогда еще Махно не трогал» [15, с. 42]. Значит, положение Сухогорской как женщины также было вполне безопасно при махновщине. Эта идентичность очень важна в контексте сравнения разных армий. В этих же воспоминаниях Сухогорская описывает, как страшно женщинам было при белой армии — как она спаслась от насилия, изуродовав себя.

Еще одной актуализируемой идентичностью является принадлежность к интеллигенции. Как интеллигентка Сухогорская оказывается в более уязвимом положении. Автор описывает ситуацию: «Махновцы интеллигенции не любили. Страшно было при них показываться на улице, особенно мужчинам» [15, с. 47]. Очевидно, как интеллигентка героиня не чувствовала себя в безопасности, но при этом ее биологический пол защищал ее.

Спасительной оказывается и профессиональная принадлежность. Сухогорская отмечает, что махновцы учителей не трогали в связи с тем, что жена Махно Галина (Агафья) Кузьменко была учительницей [15, с. 47]. Статус неприкосновенности распространяется и на служащую в школе Сухогорскую. Таким образом, героиня предстает в разных социальных ролях, в разной степени опасных, но оказывающимися в итоге выгодными для нее. Литературоведческий анализ показывает расхождение оценок происходящего автором и автогероиней, выявляя стремление автора к обобщениям и преувеличениям, в то время как описание жизни обывательницы словами героини лаконично и конкретно.

В противовес повстанцам Сухогорская подчеркивает свой культурный уровень. Усредненный портрет махновца ограничен разгульной жизнью: грабежом, пьянством, игрой в карты, лужаньем семечек. Но и героине приходится брать предложенные ей семечки, хотя она их не любит, быть лояльной, чтобы не вызвать подозрения. Так, она вынуждена в какой-то степени отказываться от своей идентичности культурного человека в угоду лояльности.

Мемуаристка была достаточно близка с повстанцами — жила по соседству, близко общалась с Галиной Кузьменко, которая производила на нее благоприятное впечатление. В то же время предложение смотреть с махновцами спектакль пугает автогероиню («Иду в ложу со страхом», «Агафья Андреевна очень любезна, махновцы тоже, а меня страх разбирает», «Меня же еще успокаивают, бомбы, мол, обязательно будут сегодня кидать» [15, с. 54]). Противоположные ощущения — страх и близость к махновцам — спасают героиню: ее вовремя предупреждают, когда начнется перестрелка, и она успевает уйти.

Когда начальник штаба Махно выселяет Сухогорскую из ее комнаты, объяснить она идет к Кузьменко, с которой у нее складываются довольно доверительные отношения. Но близость к махновцам иногда крайне опасна для героини. Сухогорская описывает, как приятель арестованного по ее навету махновца угрожал ей расстрелом, но после выяснения ошибки все разрешилось в ее пользу. В другой раз ее принимают за жену начальника штаба: «Схватили сначала меня, думая, что я махновка, но мои знакомые выручили из беды, объяснив, кто я и что я» [15, с. 59]. Близость к махновцам оказывается выгодной для нее при повстанцах, но оборачивается опасностью при их уходе.

1920-й год, когда «власти в Гуляй-Поле сменялись не реже раза в месяц, бои же и перестрелки бывали чуть не ежедневно» [15, с. 48], описывается автором через повествуемое коллективное «мы». «Мы» нарратора объединяет героиню с соседями, такими же, как и она, жителями села. Так выражался страх, когда автономная личность не имела ценности, и все становились одинаково возможными жертвами захватчиков («нас всех пугала мысль» [15, с. 49]). В этой коллективной идентичности Сухогорская солидаризуется и со своими коллегами («Нередко мы бежали со службы под пулеметом или даже шрапнелью» [15, с. 48]). Автобиографическая героиня выступает в роли простой жительницы села.

Сухогорская описывает типичное поведение обывательницы времен войны: «Население боялось всех вооруженных. Бывало, постучит кто-нибудь в дверь, откроешь, увидишь военного — и сейчас же бежишь самовар ставить и всем, что есть, угощать, даже и не спрашивая, кто это и какого цвета. «Вы нам рады?» — спросят нас. — «Да, конечно, милости просим». — «А кто мы такие?» — «Должно быть, добрые люди. Садитесь, откушайте, что бог дал». — И все. Где уж тут политиками быть? В хате только женщины и дети, а мужчины все мобилизованы, — кто белыми, кто красными, а кто и махновцами» [15, с. 58]. Таким образом, страх за свою жизнь и стремление выжить становятся главными мотиваторами поступков обывателей во время войны, перед которыми идеологические пристрастия теряли значение.

Все же политическая принадлежность была одной из ключевых характеристик личности в эпоху Гражданской войны. Попробуем выявить взгляды героини и автора. Сухогорская пишет в СССР, что не оставляет автору политического выбора. Изображение большевиков дается в целом положительно. «Я» героини вливается в коллективное «мы»: население Бердянска «ждало красных, желая прочной власти, и держалось от-

носителем спокойно» [15, с. 43]. Она идет в толпе на вокзал встречать советские войска. Но большевики оказываются не лучшими руководителями: хотя при них «город пришел почти в нормальное свое состояние» [15, с. 43], авторская проговорка «почти» открывает реальное положение дел и показывает отсутствие приверженности героини большевизму. В то же время Сухогорская получает работу при белых, тогда она и вынуждена вернуться в Гуляйполе. Очевидно, что мемуаристка не выражала определенных политических взглядов, легко адаптируясь практически к любой власти, поэтому и при махновцах ее жизнь протекала более-менее приемлемо. Впрочем, с ними она была близка. Реальная подоплека этих отношений уже невосстановима, а в опубликованных в Советском Союзе мемуарах подчеркивается вынужденность этих связей («смотрим, наш жилец, начальник махновского штаба с товарищем. Думали мы, что окончательно от них отделались; нет, снова в гости к нам пришли» [15, с. 59]). В то же время ее сердечные разговоры с Кузьменко, обращение к ней за протекцией, оказываемые услуги другим махновцам характеризуют ее как в некоторой степени сподвижницу повстанцев.

В зависимости от обстоятельств меняются востребованные автобиографической героиней идентичности. Так же на протяжении повествования меняется образ автора. Нарратор претендует на историческое описание, оценивая события: «Батькина армия выросла, по их словам, до двухсот тысяч. Я считаю это число сильно преувеличенным» [15, с. 51]. Такими обобщенными фразами описывается и состояние на фронте: «Удачи махновцев становились все реже, красные стягивали кольцо все теснее вокруг Махно» [15, с. 62]. Но очень часто подобные исторические экскурсы эмоционально окрашиваются, нарушая стремящееся к объективности авторское повествование: «Взбешенные австрийцы еще раз вернулись в село» [15, с. 40]; «Когда белые продвинулись на север, Махно сейчас же стал орудовать у них в тылу» [15, с. 51]. Сухогорская расширяет автобиографическое повествование, рисуя широкую панораму событий, свидетелем которых она не была, представляя историком.

В конце повествования между автором и героиней происходит обмен голосами, как и в начале, только в обратном направлении. Автор повествует о последних днях армии Махно, а героиня обнаруживает, что это происходило уже без нее: «Это случилось, впрочем, уже после моего отъезда из Гуляй-Поля» [15, с. 63]. Итак, хотя героиня демонстрирует разные грани жизни обывательницы при махновщине, она существует в отведенной ей реальности, заведомо ограниченной возможностями ее познания.

Воспроизводится ряд идентичностей, некоторые из которых оказываются неактуальными (женщина), опасными (интеллигентка), спасительными (служащая) и т. д. Очевидно, что именно тематика воспоминаний — описание махновщины — задает разные конструируемые идентичности. Вместе с тем, как отмечает Т. М. Колядич, «следует признать условность создаваемого образа автора. Он не может точно соответствовать биографически подлинной личности, поскольку в рассказе о себе трудно ожидать полной откровенности» [7, с. 323].

В то же время автор владеет знаниями о событиях, выходящими за пределы происходящего с героиней, а также знаниями, приобретенными *postfactum*. Его функции меняются в процессе повествования, представляя довольно широкий спектр экспертной оценки происходящего. Автор выступает в качестве писателя, историка, фольклориста и эксперта, повествующего в конце 1920-х гг., а следовательно, вписывающего свои рассуждения в идеологические парадигмы времени и согласующего поведение

своих персонажей с требованиями эпохи написания воспоминаний. Очевидно расхождение точек зрения автора и героини: в то время как автор стремится к обобщениям и преувеличениям, нагнетает страх, стиль героини лапидарен и конкретен.

Голос автора оказывается ведущим, задавая показ персонажей мемуаров в нужном свете, определяя идентичности героини согласно авторским установкам. В повествовании нарратора не раз переплетаются две линии: автобиографическая и фольклорная. Миф выступает одним из способов описать реальность. Характер махновского движения — малодокументированного, имеющего немного достоверных источников информации — определяет характер информации о нем: не всегда делается различие между реально произошедшем и анекдотами, слухами, легендами о Махно, а также и выдумками автора. Возможно, описание жизни обывательницы при повстанцах, проходящей в атмосфере страха, но в то же время страха не всегда обусловленного объективными причинами, а вызванного специфически функционирующей информационной средой, типично для создания женского мемуарного текста о махновщине. То же характерно для мемуаров Саксаганской, в которых воссоздаются слухи и страхи, царившие в городской среде [11]. Однако делать такие выводы преждевременно, так как пока женских воспоминаний о махновском движении известно крайне мало.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Быстрова О. В., Закружная З. С., Московская Д. С.* «История гражданской войны»: издательский проект эпохи реконструкции // *Историография гражданской войны в России. Исследования и публикации архивных материалов* / отв. ред., сост. Д. С. Московская. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 15–31.
- 2 *Гинзбург Л. Я.* О психологической прозе. Л.: Худож. лит., 1977. 443 с.
- 3 *Головков Г. З.* Женское лицо русской революции, 1861–1917. М.: Флинта, 2010. 517 с.
- 4 *Добрышевский Д. В.* Женщины в махновском движении // *Новый исторический вестник*. 2006. № 15. С. 154–159.
- 5 *Зеленяк О. М.* «Махновщина» в радянській публіцистиці та історіографії 20-х – першої половини 50-х років ХХ ст. // *Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету*. 2015. Вип. 43. С. 259–262.
- 6 *Казаков Є., Рубльов Д.* Маруся Нікіфорова — легенда громадянської війни // *Спільне*. 2013. № 6: Гендер і праця. URL: <https://commons.com.ua/en/marusya-nikiforova-legenda-gromadyan/> (дата обращения: 06.11.2019).
- 7 *Колядич Т. М.* Воспоминания писателей ХХ века: Проблематика, поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 441 с.
- 8 *Леонтьев Я. В., Рублев Д. И.* Маруся Никифорова перед Ревтрибуналом: история одного показательного процесса // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 40–60.
- 9 *Морозова О. М., Трошина Т. И.* Женский взгляд на мужскую работу. Революция и гражданская война глазами и в судьбах женщин // *Новейшая история России*. 2016. № 2. С. 8–30.
- 10 *Морозова О. М., Трошина Т. И.* Патриархальный след в женской революционной активности // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 2. С. 63–73.
- 11 *Саксаганская А.* Махно. Под черным флагом / подгот. текста О. А. Симоновой, коммент. Ю. П. Кравца и О. А. Симоновой // *Историография гражданской войны*

- в России. Исследования и публикации архивных материалов / отв. ред., сост. Д. С. Московская. М: ИМЛИ РАН, 2018. С. 381–448.
- 12 Сапожникова Р. Б. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник ТГПУ. Серия: Психология. 2005. Вып. 1 (45). С. 13–17.
- 13 Симонова О. А. Екатеринослав в 1918–1919 гг.: жизнь горожанки (по воспоминаниям А. А. Саксаганской) // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков. Мат. Одиннадцатой междунар. научн. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород. В 2-х т. / отв. ред.: Н. Л. Пушкарева, Н. А. Гронская, Н. К. Радина. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2018. Т. 2. С. 105–107.
- 14 Симонова О. А. Образ Нестора Махно в воспоминаниях А. А. Саксаганской. Впечатление писательницы, слухи, свидетельства очевидцев // Россия и современный мир. 2018. № 4. С. 214–223.
- 15 Сухогорская Н. Воспоминание о махновщине // Кандальный звон. Историко-революционный сборник. Одесса: [б.и.], 1927. № 6. С. 37–67.
- 16 Федоров А. Ю. Женский вопрос в российском анархизме первой четверти двадцатого столетия // Acta Eruditorum, 2017. Вып. 24. С. 34–40.
- 17 Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
- 18 Lejeune Ph. Le Pacte autobiographique. Paris: Seuil, 1975. Coll. «Poétique», 360 p.

© 2020. Olga A. Simonova
Moscow, Russia

BUILDING OF AN AVERAGE WOMAN IMAGE IN MEMOIRS ON MAKHNOVSHCHINA

Acknowledgements: The research was carried out with financial support of Russian Scientific Fund (project no 19-78-10100) in IWL RAS.

Abstract: The study addresses the memoirs of Natalia Sukhogorskaya “The memory of the Makhnovshchina” (1927) to restore the life of an ordinary woman under the power of Revolutionary Insurrectionary Army of Ukraine. In the Nestor Makhno’s capital Huliaipole, autobiographical heroine immerses herself in the atmosphere filled with legends about Makhno. Thus the author generates two narrative tendencies: autobiographical and folkloric ones. The rumors nurture the autobiographical heroine’s fears. From this perspective, author shows the identities of the heroine. The first of them — the motherhood — is not jeopardized under Makhno since he is friendly to children. The second is the refugee. Affiliation to the female sex also protects Sukhogorskaya under the rebels’ sway. School as her job gives her an inviolable status. Her more vulnerable position is related to her identity as intelligentsia representative, seeing that the rebels didn’t like this social stratum. The perspectives of author and autobiographical heroine are often intersecting, yet the paper proves able to clarify the author’s functions who acts as a writer giving characteristics of internal movements of his personages. The author also appears as a historian who generalizes in hindsight and as a folklorist who records and reproduces oral stories, legends and rumors of the

Civil war times. Fear for the life and the desire to survive become main motivators for the residents during the war, so that against this backdrop the author's political views remain unclear.

Keywords: Civil war, status of women, memoirs, author, autobiographical heroine.

Information about the author: Olga A. Simonova — PhD in Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, Povarskaya St., 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4802-7750>. E-mail: osimonova@yandex.ru

Received: January 15, 2020

Date of publication: December 28, 2020

For citation: Simonova O. A. Building of an average woman image in memoirs on makhnovshchina. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 58, pp. 225–234. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-225-234>

REFERENCES

- 1 Bystrova O. V., Zakruzhnaya Z. S., Moskovskaya D. S. “Istoriia grazhdanskoi voiny”: izdatel'skii proekt epokhi rekonstruktsii [“History of the Civil war”: publishing project of the reconstruction era]. In: *Istoriografiia grazhdanskoi voiny v Rossii. Issledovaniia i publikatsii arkhivnykh materialov* [Historiography of the Civil war in Russia. Research and publication of archival materials], executive edited, compiler D. S. Moskovskaya. Moscow, IWL RAS Publ., 2018, pp. 15–31. (In Russian)
- 2 Ginzburg L. Ia. *O psikhologicheskoi proze* [On psychological prose]. Leningrad, Khudozhestvennaia literature Publ., 1977. 443 p. (In Russian)
- 3 Golovkov G. Z. *Zhenskoe litso russkoi revoliutsii, 1861–1917* [Female face of the Russian revolution, 1861–1917]. Moscow, Flinta Publ., 2010. 517 p. (In Russian)
- 4 Dobryshevskii D. V. Zhenshchiny v makhnovskom dvizhenii [Women in the Makhnovist movement]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 2006, no 15, pp. 154–159. (In Russian)
- 5 Zeleniak O. M. “Makhnovshchina” v radians'kii publitsistitsi ta istoriografii 20-kh – pershoi polovini 50-kh rokiv XX st. [“Makhnovshchina” in Soviet journalism and historiography of the 20s – first half of the 50s of the 20th century]. *Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo natsional'nogo universitetu*, 2015, vol. 43, pp. 259–262. (In Ukrainian)
- 6 Kazakov E., Rubl'ov D. Marusia Nikiforova — legenda gromadian'skoi viini [Marusya Nikiforova, legend of the Civil war]. *Spil'ne*, 2013, no 6: Gender i pratsia [Gender and work]. Available at: <https://commons.com.ua/en/marusya-nikiforova-legenda-gromadyan/> (accessed 06 November 2019). (In Ukrainian)
- 7 Koliadich T. M. *Vospominaniia pisatelei XX veka: Problematika, poetika* [Memoirs of writers of the 20th century: Problematics, poetics: DSc thesis]. Moscow, 1999. 441 p. (In Russian)
- 8 Leont'ev Ia. V., Rublev D. I. Marusia Nikiforova pered Revtribunalom: istoriia odnogo pokazatel'nogo protsessa [Marusya Nikiforova before the Revolutionary Tribunal: the history of a show trial]. In: “*Atamanshchina*” i “*partizanshchina*” v *Grazhdanskoi voine: ideologiia, voennoe uchastie, kadry. Sbornik statei i materialov* [“Atamanshchina” and “guerilla tactics” in the Civil war: ideology, military participation, cadre. Collection of articles and materials], edited by A. V. Posadskii. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2015, pp. 40–60. (In Russian)

- 9 Morozova O. M., Troshina T. I. Zhenskii vzgliad na muzhskuiu rabotu. Revoliutsiia i grazhdanskaia voina glazami i v sud'bakh zhenshchin [Women's view on men's work. Revolution and Civil war through the eyes and in the destinies of women]. *Noveishaia istoriia Rossii*, 2016, no 2, pp. 8–30. (In Russian)
- 10 Morozova O. M., Troshina T. I. Patriarkhal'nyi sled v zhenskoii revoliutsionnoi aktivnosti [Patriarchal trace in women's revolutionary activity]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, 2017, no 2, pp. 63–73. (In Russian)
- 11 Saksaganskaia A. Makhno. Pod chernym flagom [Makhno. Under the black flag], preparation of the text by O. A. Simonova, comments by Yu. P. Kravtsov and O. A. Simonova. In: *Istoriografiia grazhdanskoi voiny v Rossii. Issledovaniia i publikatsii arkhivnykh materialov* [Historiography of the Civil war in Russia. Research and publication of archival materials], executive edited, compiler D. S. Moskovskaya. Moscow, IWL RAS Publ., 2018, pp. 381–448. (In Russian)
- 12 Sapozhnikova R. B. Analiz poniatii "identichnost": teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniia [Analysis of the "identity" concept: theoretical and methodological foundations]. *Vestnik TGPU. Series: Psikhologiya* [Psychology], 2005, vol. 1 (45), pp. 13–17. (In Russian)
- 13 Simonova O. A. Ekaterinoslav v 1918–1919 gg.: zhizn' gorozhanki (po vospominaniiam A. A. Saksaganskoi) [Ekaterinoslav in 1918–1919: the life of a townswoman (on the memoirs of A. A. Saksaganskaya)]. In: *Gorozhanki i gorozhane v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnykh protsessakh rossiiskoi urbanizatsii XIV–XXI vekov. Materialy Odinnadtsatoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii RAIZhI i IEA RAN, 4–7 oktiabria 2018 g., Nizhnii Novgorod* [Townswomen and townsmen in the political, economic and cultural processes of Russian urbanization of the 14th–21st centuries. Proceedings of the Eleventh international scientific conference of RAIZhI and IEA RAS, October 4–7, 2018, Nizhny Novgorod], executive editors: N. L. Pushkareva, N. A. Gronskaia, N. K. Radina. In 2 vols. Moscow, Izdatel'stvo IEA RAN Publ., 2018, vol. 2, pp. 105–107. (In Russian)
- 14 Simonova O. A. Obraz Nestora Makhno v vospominaniakh A. A. Saksaganskoi. Vpechatlenie pisatel'nitsy, slukhi, svidetel'stva ochevidtsev [The image of Nestor Makhno in the memoirs of A. A. Saksaganskaya. Impression of the writer, rumors, eyewitness accounts]. *Rossia i sovremennyi mir*, 2018, no 4, pp. 214–223. (In Russian)
- 15 Sukhogorskaia N. Vospominanie o makhnovshchine [The memory of the Makhnovshchina]. In: *Kandal'nyi zvon. Istoriko-revoliutsionnyi sbornik* [The shackles' clanging. Historical and revolutionary collection]. Odessa, [b. i.], 1927, no 6, pp. 37–67. (In Russian)
- 16 Fedorov A. Iu. Zhenskii vopros v rossiiskom anarkhizme pervoi chetverti dvadtsatogo stoletii [Women's issue in Russian anarchism of the first quarter of the twentieth century]. *Acta Eruditorum*, 2017, vol. 24, pp. 34–40. (In Russian)
- 17 Schmid B. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003. 312 p. (In Russian)
- 18 Lejeune Ph. *Le Pacte autobiographique* [The autobiographical pact]. Paris, Seuil Publ., 1975. Coll. "Poétique" [Coll. "Poetic"]. 360 p. (In French)